

Предисловие «Полки»

*Первое русское публицистическое произведение —
книга крупного чиновника, который проехал
600 верст и стал диссидентом.*

*Каталог российского бесправия и укор высшей
власти, за который Радищев отправился
в Сибирь.*

Варвара Бабицкая

О ЧЕМ ЭТА КНИГА?

Рассказчик, чувствительный русский дворянин с европейским образованием и либеральными воззрениями, едет на перекладных из Петербурга в Москву, по пути наблюдая неприглядную жизнь Российской империи: бесчеловечность крепостного права, коррупцию чиновников, воровские махинации купцов и слепоту монархии, которой его записки должны раскрыть глаза. Первое художественное произведение в истории русской литературы, за которое автор был сослан в Сибирь.

КОГДА ОНА НАПИСАНА?

Радищев начинал свою главную книгу постепенно — с отдельных очерков, которые позже войдут в состав «Путешествия». Большая ее часть создана во второй половине 1780-х годов. Наиболее радикальные главы — «Медное» (о продаже крепостных с публичного торга), «Торжок» (о цензуре) и др. — были написаны в 1785–1786 годы. В том же 1786 году появляется очерк о безразличном «начальнике», которого подчиненные в минуту крайней необходимости боятся разбудить, подвергая тем самым путников смертельной опасности («Чудово»). «Слово о Ломоносове» писалось с 1780 по 1788 год.

Радищев утверждал, что рукопись «Путешествия» была полностью готова к концу 1788 года. Но это, очевидно, не так, поскольку в «Кратком повествовании

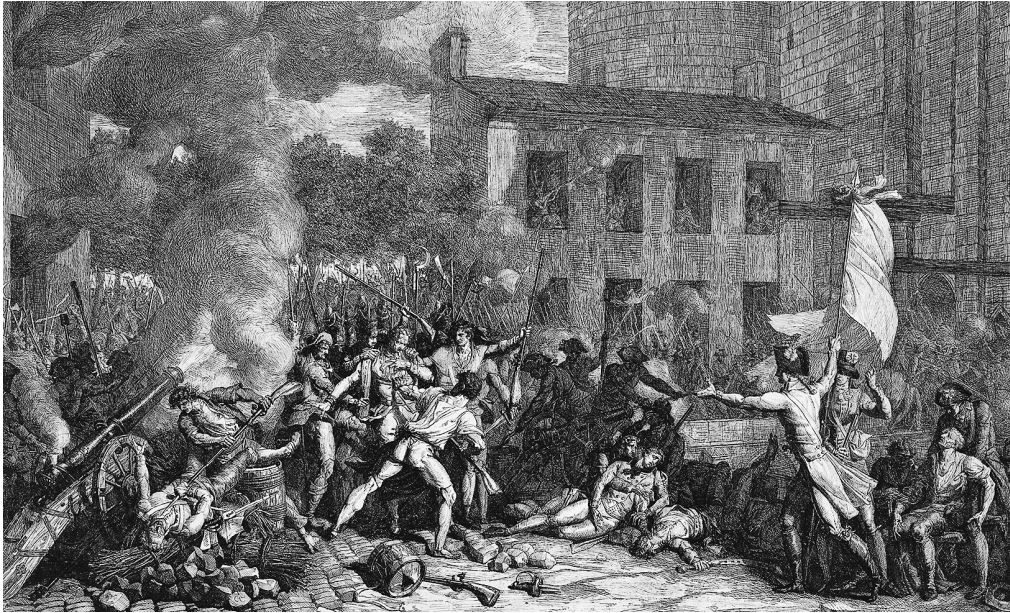
о происхождении цензуры» автор упоминает известие, полученное из революционной Франции: «...Мы читали недавно, что народное собрание, толико же поступая самодержавно, как доселе их государь, насильственно взяли печатную книгу и сочинителя оной отдали под суд за то, что дерзнул писать против народного собрания». Речь здесь идет о памфлете, тайно изданном Маратом в 1790 году. Известно, что писатель дополнял свою книгу уже после прохождения цензуры, перед печатью, в 1790 году. Важно, однако, что, создавая «Путешествие» в годы, предшествовавшие Великой французской революции, которая сильно изменила российский политический климат, автор, вероятно, не предвидел остроты реакции со стороны Екатерины II.

Радищев в эти годы служил чиновником, а затем и директором Петербургской таможни. Он пользовался доверием и дружбой своего начальника графа Александра Воронцова, президента Коммерц-коллегии*¹, и мог достичь высоких степеней, но публикация «Путешествия», повлекшая за собой десятилетнюю сибирскую ссылку, положила конец его карьере.

КАК ОНА НАПИСАНА?

«Путешествие» разбито на главы, названные по почтовым станциям, где рассказчик меняет лошадей. Единого сюжета в книге нет: структура, позаимствованная из сверхпопулярного «Сентиментального путешествия» Лоренса Стерна, позволяет

*¹ Правительственное учреждение, занимавшееся вопросами торговли. Было основано Петром I, упразднено в 20-х годах XIX века вместе с преобразованием министерств.

Шарль Тевенен. Взятие Бастилии. 1793 год

рассказчику делать экскурсы в историю, нравы и обычаи проезжаемых мест, а по дороге предаваться философским размышлениям об устройстве государства, законе и нравственности, на которые наводят его всё новые впечатления и встречи. Часть таких рассуждений передана другим персонажам. Друзья и незнакомцы, которых встречает рассказчик, изливают ему свои мысли и печали и прямо-таки сорят важными бумагами, которые образуют чисто публицистические вставки в ткани художественного повествования. Ритуальные шутки о смене лошадей завершают многие главы, играя роль связок между разнородными кусками.

Характерный прием — постоянные обращения к читателю и шутки с ним («Если, читатель, ты нескучлив, то читай, что перед тобою лежит. Если же бы случилось,

что ты сам принадлежишь к ценсурному комитету, то загни лист и скачи мимо»), а также, например, фразы, оборванные на полуслове.

Как отмечают¹ Петр Вайль и Александр Генис, такой прием взят у Стерна, чья книга заканчивается словами: «Так что, когда я протянул руку, я схватил горничную за...» Похожим образом Радищев заканчивает главу «Едрово»: «Всяк пляшет, да не как скоморох, — повторил я, наклоняясь и, подняв, развертывая...» Конечно, радищевский герой горничных ни за какие части не хватает (напротив, сексуальное насилие над крестьянками и горничными гневно осуждает). Вместо фривольностей за оборванной фразой следует пространный проект уничтожения рабства в России, найденный в грязи у почтовой избы. Радищев одновременно

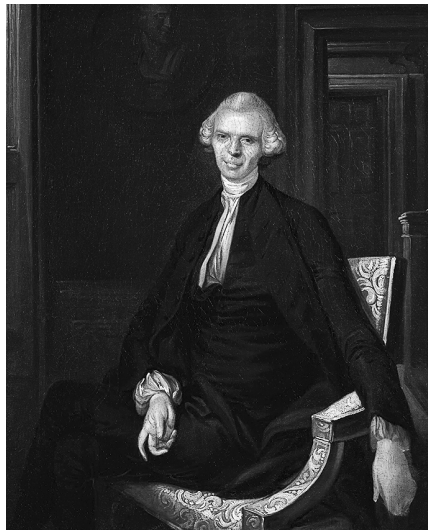

ЧТО НА НЕЕ ПОВЛИЯЛО?

Первый и главный свой источник Радищев указал на следствии: «Первая мысль написать книгу в сей форме пришла мне, читая путешествие Йорика*¹; я так ее и начал. Продолжая ее, на мысль мне пришли многия случаи, о которых я слыхивал, и, дабы не много рыться, я вознамерился их поместить в книгу сию».

С содержательной стороны главный источник влияния — французские просветители. Екатерина Великая сразу отметила, что автор «заражен французским заблуждением», Пушкин позднее отметил: «...В Радищеве отразилась вся французская философия его века: скептицизм Вольтера, филантропия Руссо, политический цинизм Дидрота*² и Реналья*³; но всё в нескладном, искаженном виде, как все предметы криво отражаются в кривом зеркале».

На тему своей вторичности Радищев иронизирует в «Путешествии»: «Признаюсь, я на руку нечист; где что немного похожее на рассудительное увижу, то тотчас стяну; смотри, ты не клади мыслей плохо». Но на самом деле в воровстве его не обвинишь — в своей книге Радищев щедро и добросовестно ссылается на источники, как истинный энциклопедист. Рассуждая, скажем, о российской судебной системе, он упоминает авторов, знание которых судебскими могло бы ее значительно улучшить: «Если бы привести примеры

Неизвестный художник.
Лоренс Стерн. Структура повести
позаимствована из «Сентиментального
путешествия» Лоренса Стерна

из размышлений и разглагольствований судей наших о делах! Что бы сказали Гроций*⁴, Монтескью*⁵, Блекстон*⁶!» Говоря о свободе слова, он приводит пространную цитату из диссертации Иоганна Готфрида Гердера «О влиянии правительства на науки и наук на правительство» (1778). Важный предшественник Радищева в его осуждении рабства — Гийом Рейналь, автор «Истории обеих Индий». Его взгляды на свободу личности и разумные основания нравственности сложились под большим влиянием философа-материалиста

*¹ Имеется в виду «Сентиментальное путешествие» Лоренса Стерна.

*² То есть Дени Дидро.

*³ То есть Гийом Тома Рейналь.

*⁴ Гуго Гроций (1583–1645) — голландский юрист, государственный деятель, драматург и поэт.

*⁵ То есть Шарль де Монтескье.

*⁶ Уильям Блэкстон (1723–1780) — британский юрист, философ и адвокат.

Гельвеция. Наконец, Жан-Жак Руссо Радищев обязан идеями социального равенства и близости к природе.

Кроме того, Радищев вдохновляется трагедией британца Аддисона «Катон», где описана борьба римлян-республиканцев против диктатуры Юлия Цезаря, а главный герой становится для него важной ролевой моделью.

Античные авторы имели для Радищева большое значение — подробнее он отзывается о них в автобиографическом произведении «Житие Фёдора Васильевича Ушакова», где, отвергая Вергилия («льстец Августов») и Горация («лизоруки Меценатов»), отдает предпочтение республиканцу Цицерону, «гремящему против Катилины», и «колкому сатирику, не щадящему Нерона», — то есть предположительно Петронию, в чьем «Сатириконе» император был выведен в образе разгульного вольноотпущенника Трималхиона.

Что до чувствительности — ей радищевского героя научил Гёте, на что автор прямо указывает: «Сколь сладко неязвительное чувство скорби! Колико сердце оно обновляет и одного чувствительность. Я рыдал вслед за ямским собранием, и слезы мои были столь же для меня сладостны, как исторгнутые из сердца Вертером...»

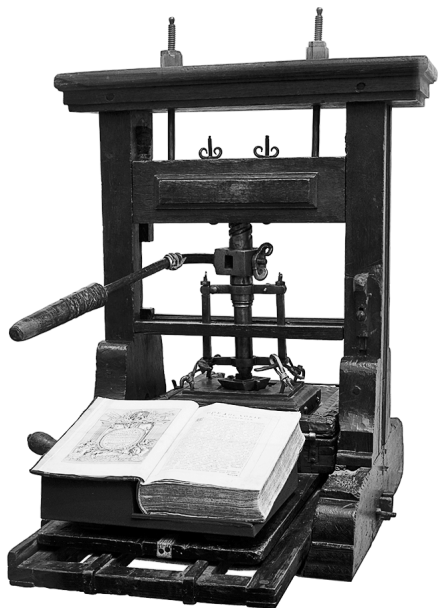
Источником сведений об устройстве разных областей жизни и экономики, в том числе теневой, стала для писателя служба: в молодости как протоколист в первом департаменте Сената он составлял экстракты всех разбиравшихся дел, читал рапорты губернаторов об урожаях, торговле, побегах крестьян, бунтах, болезнях и смертности населения; челобитные давали ему представление о разных злоупотреблениях

и преступлениях чиновников, судей, помещиков: «Российская империя раскрылась для него не с парадного, но с черного хода»³. Перейдя в мае 1773 года на должность обер-аудитора (юриста) в штаб командующего Финляндской дивизией генерал-аншефа Якова Брюса, Радищев имел возможность познакомиться с жизнью армии; в 1777 году будущий писатель поступил на должность в Коммерц-коллегию, решавшую все вопросы торговли, а затем в Петербургскую таможенную. Отсюда его познания в вексельном праве, в уловках, позволявших дворянам продавать крестьян незаконно, и проч.

КАК ОНА БЫЛА ОПУБЛИКОВАНА?

Сперва Радищев попытался опубликовать книгу в Москве. Однако «Путешествие» не пропустил цензор, более того — типографщик, которому он хотел отдать рукопись, отказался печатать крамолу. Тогда Радищев решил завести свою типографию. Такую возможность давал ему указ 1783 года, дозволявший создание «вольных» типографий. Радищев купил типографский станок и напечатал книгу у себя дома с помощью служащих Петербургской таможни и крепостных своего отца. Однако книге еще предстояло пройти цензуру в петербургской Управе благочиния, и на сей раз Радищев, на удивление, не встретил препятствий.

22 июля 1789 года обер-полицеймейстер Никита Рылеев (известный, по отзыву одного мемуариста, «превыспреннейшей глупостью своею») пропустил книгу, просто ее не прочитав.

Печатный станок. Россия. 1711 год

В сентябре того же года Радищев представил в Управу рукопись «Слова похвального Ломоносову», которое сперва предполагал издать отдельно, но затем включил в состав «Путешествия». Вообще, состав книги менялся уже и после цензуры, что особенно ставила в вину писателю Екатерина II, воспринявшая это как лживый поступок.

В мае 1790 года книга была отправлена книготорговцу Зотову. Тираж составлял «не более как шестьсот сорок или пятьдесят экземпляров». Судьба этого тиража была печальна: около 600 экземпляров «не сдвинулось с места», то есть были уничтожены автором в ожидании обыска и ареста. Всего 26 экземпляров поступило в продажу, а несколько Радищев разослал

знакомым. В настоящее время известно лишь 13 типографских экземпляров первого издания «Путешествия».

Второго пришествия радищевской книге пришлось ждать полвека. 15 апреля 1858 года в Лондоне в 13-м номере газеты «Колокол» (русском «тамиздатовском» печатном органе Герцена и Огарёва) появилось объявление о готовящемся издании: «Печатается Князь М. М. Щербатов и А. Радищев (из Екатерининского века). Издание Трюбнера с предисловием Искандера*¹». Как отмечает⁴ Натан Эйдельман, показательно, что Александр Николаевич Радищев обозначен в этом объявлении только одним инициалом: по всей видимости, Герцен и Огарёв не знали его отчества, а для читателя сочли необходимым пояснить: «Из Екатерининского века». «О повреждении нравов в России» князя М. М. Щербатова и «Путешествие» А. Радищева» вышли вскоре под одной обложкой.

Первую попытку переиздать Радищева в России предпринял в 1868 году петербургский книгопродавец Шигин. Книга «Радищев и его книга “Путешествие из Петербурга в Москву”» включала фрагменты собственно «Путешествия», но в таком покалеченном виде, что их даже цензура пропустила. Эту публикацию заметил только Герцен, посвятивший событию приветственную статью «Наши великие покойники начинают возвращаться», но главное — она стала поводом к формальной отмене запрещения, о чем высочайшим повелением был извещен Петербургский цензурный комитет — с указанием, чтоб «новые издания сего

*¹ Псевдоним Александра Герцена.

сочинения подлежали общим правилам действующих узаконений о печати». Обладанный библиограф, издатель и литературовед Петр Ефремов в 1872 году издал двухтомное собрание сочинений Радищева, в который включил и текст «Путешествия» с документальными приложениями. Но на это издание немедленно был наложен арест, не помогли даже определенные смягчения и купюры, сделанные Ефремовым; цензор отметил: «Так как некоторые из принципов, порицаемых автором, еще и ныне составляют основу нашего государственного и социального быта, то я полагаю неудобным допустить эту книгу к обращению в публике в настоящем ее виде частью потому, что она может возбуждать к своему содержанию сочувствие в легкомысленных людях, частью — служить удобным прецедентом для горячих и неблагонамеренных публицистов, которые не затруднятся провозгласить Радищева мучеником за его гуманные утопии, жертвою произвола и попытаются подражать ему»⁵.

Наконец в 1888 году издатель Алексей Суворин благодаря личным связям добился позволения издать «Путешествие из Петербурга в Москву» — правда, исключительно «для знатоков и любителей», тиражом всего в 100 экземпляров, которые было предписано продавать за 25 рублей (то есть по цене, запретительной для широкого читателя). Суворин нашел первое издание и воспроизвел текст 1790 года «из строки в строку, из буквы в букву, приблизительно с таким же шрифтом, со всеми опечатками подлинника»⁶.

Лишь в 1905 году появилось первое научное и полное издание «Путешествия» под редакцией Николая Павлова-Сильванского

и Павла Щеголева. Годом позже появилось сразу пять изданий «Путешествия», и еще три — в 1907 году.

КАК ЕЕ ПРИНЯЛИ?

Поскольку почти весь тираж «Путешествия» был в ожидании ареста уничтожен Радищевым или конфискован, широкой реакции на книгу не последовало. Редкие ее первые читатели восприняли «Путешествие» именно и только как политический манифест. Можно привести типичную реакцию графа Безбородко, писавшего в частном письме:

...Здесь по уголовной палате производится ныне примечания достойный суд. Радищев, советник таможенный, несмотря, что у него и так было дел много, которые он, правду сказать, и правил изрядно и бескорыстно, вздумал лишние часы посвятить на мудрования: заразившись, как видно, Францією, выдал книгу «Путешествие из Петербурга в Москву», наполненную защитою крестьян, заревавших помещиков, проповедию равенства и почти бунта противу помещиков, неуважения к начальникам, внес много язвительного и, наконец, неистовым образом впутал оду, где излился на царей и хвалил Кромвеля... Всего смешнее, что шалун Никита Рылеев цензуровал сию книгу, не читав, и, удовольствовавшись титулом, подписал свое благословение. Книга сия начала входить в моду у многой шали, по счастью, скоро ее узнали...

«Узнали» — то есть власти узнали о существовании книги и изъяли ее из оборота.

Мнение «шали», то есть людей, действительно передававших «Путешествие» из рук в руки и делавших списки, осталось по большей части неизвестным. Публику больше занимала судьба автора, которую, надо сказать, оплакивали все, от вельмож до купцов на Бирже, считая приговор несправедливым и жестоким. Примечательна, однако, реакция Гаврилы Державина — одного из тех людей, которому Радищев послал «Путешествие». Державину приписывается следующая эпитафия:

Эзда твоя в Москву со истинною сходна,

Некстати лишь смела, дерзка и сумасбродна,

*Я слышу: «На коней, — кричит ямщик. —
Вирь, вирь».*

Знать, русский Мирабо, поехал ты в Сибирь.

Как писал с горечью сын писателя Павел Радищев, «это писал человек, хвалившийся, что он “горяч, в правде черт”».

ЧТО БЫЛО ДАЛЬШЕ?

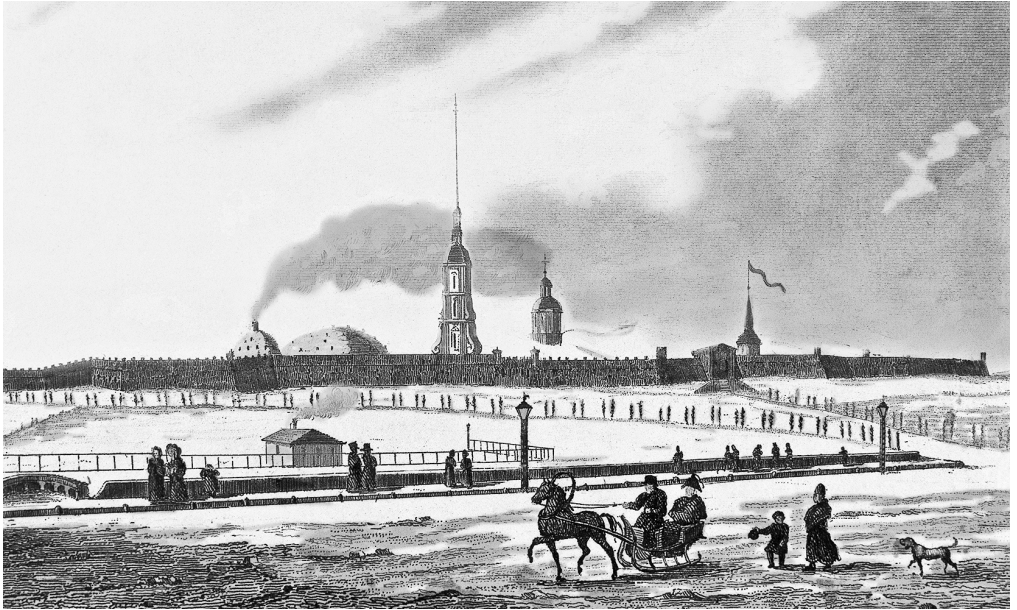
Вскоре после выхода «Путешествия» экземпляр попал в руки Екатерине II, которая прочитала его с большим вниманием, возмутилась и распорядилась начать следствие. Хотя книгу свою Радищев напечатал анонимно, авторство его раскрылось почти сразу. Уже в своих комментариях к «Путешествию» императрица указывает: «...Упоминает о знании: что я имел случай по щастию моему узнать. Кажется сие знание в Лейпцих получано, и доводит

до подозрение на господ Радищева и Щелищева: паче же буде у них заведено типография в доме, как сказывают». Она, очевидно, узнала склад мыслей и круг источников, поскольку знала Радищева и Петра Челищева («Щелищева»), бывших некогда ее пажами, а затем отправленных ею за образованием в Лейпциг (людей с европейским образованием было в Петербурге совсем немного); но очевидно, что и слухи уже ходили по городу.

Радищев был посажен в Петропавловскую крепость, допрошен следователем Степаном Шешковским (начальником Тайной экспедиции, который в свое время вел дело Пугачева) и после суда приговорен к смертной казни Государственным советом. По случаю заключения мира в войне со Швецией Екатерина отменила смертный приговор, заменив его ссылкой в сибирский Илимск. Павел I, взойдя на престол, вернул ссылку писателя с предписанием жить в его селе Немцове, а амнистировал его только Александр I.

«Путешествие из Петербурга в Москву» осталось почти неизвестным и сделалось библиографической редкостью, хотя и ходило в списках. В 1836 году вернуть имя Радищева русской литературе решил Александр Пушкин, который за 200 рублей приобрел экземпляр, хранившийся в Тайной канцелярии, и написал о Радищеве статью для своего журнала «Современник»; несмотря на ее резко критический характер, в печать она пропущена не была.

Демократическая критика середины XIX века упоминает Радищева скупно — Добролюбов в статье «Русская сатира в век Екатерины» (1859) отметил: «Книга

Петропавловская крепость. Гравюра XIX века

Радищева составляла едва ли не единственное исключение в ряду литературных явлений того времени, и именно потому, что она стояла совершенно одиноко, против нее и можно было употребить столь сильные меры. Впрочем, если бы этих мер и не было, все-таки «Путешествие из Петербурга в Москву» осталось бы явлением исключительным и за автором его последовали бы, до конечных его результатов, разве весьма немногие»⁷. Николай Чернышевский в десятом номере «Современника» за 1860 год замечает, что в XVIII веке «Новиков*¹, Радищев, еще, быть может, несколько человек одни только имели... то,

что называется ныне убеждением или образом мыслей».

Еще и в 1907 году Евгений Соловьёв, автор «Очерков из истории русской литературы XIX века», писал: «Книга Радищева... не сыграла и не могла сыграть непосредственно роли в истории нашего умственного развития, потому что публика не знала и еще до сих пор (то есть через 100 лет после смерти автора и 110 по выходе книги) не знает ее». В 1914 году в статье «О национальной гордости великороссов» Ленин упомянул Радищева как родоначальника русского освободительного движения — ему наследовали

*¹ Николай Иванович Новиков (1744–1818) — журналист, издатель. Издавал сатирические журналы «Трутенъ», «Живописец», «Кошелек» — все они были закрыты по распоряжению власти. Основал в Москве свою «Типографическую компанию», публиковал старинные летописи и исторические памятники в серии «Древняя Российская Вивлиофика». В 1792 году Новикова арестовали и заключили в Шлиссельбургскую крепость, через четыре года он был освобожден Павлом I.

в этом ряду декабристы, затем разночинцы 1870-х годов, а затем рабочий класс и, наконец, крестьяне. Впоследствии фигура Радищева как «первого революционера» прочно утвердилась в советском литературоведении и школе. К тому времени, когда «Путешествие из Петербурга в Москву» нашло читателей, язык его безнадежно устарел — книгу можно и сегодня считать толком не прочитанной широкой публикой. Однако сама структура литературного путешествия, наполненного размышлениями о страданиях народном, оказалась живучей — можно вспомнить и поэму Венедикта Ерофеева «Москва — Петушки», и документальный фильм Андрея Лошака «Путешествие из Петербурга в Москву», где режиссер буквально повторил маршрут Радищева, чтобы посмотреть, как изменилась жизнь между столицами за истекшие два столетия.

НА ЧТО ОБИДЕЛАСЬ ЕКАТЕРИНА?

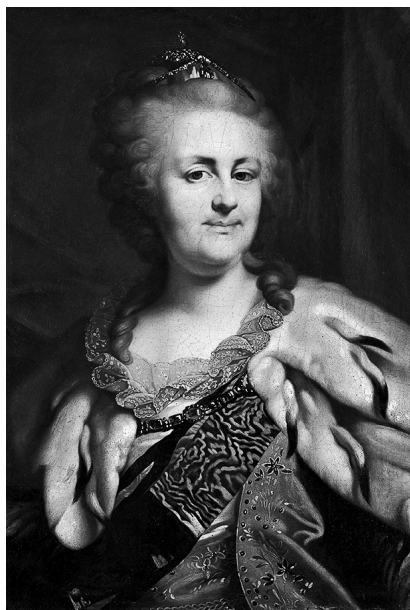
Писатель, протоиерей Михаил Ардов вспоминал⁸, что Лев Гумилев рассказал ему об экземпляре «Путешествия из Петербурга в Москву» с неопубликованными в то время пометками Екатерины II:

— Радищев описывает такую историю, — говорил Лев Николаевич. — Некий помещик стал приставать к молодой бабе, своей крепостной. Прибежал ее муж и стал бить барина. На шум поспешили братья помещика и принялись избивать мужика. Тут прибежали еще крепостные и убили всех троих бар. Был суд, и убийцы были сосланы в каторжные

работы. Радищев, разумеется, приговором возмущается, а мужикам сочувствует. Так вот Екатерина по сему поводу сделала такое замечание: «Лапать девок и баб в Российской империи не возбраняется, а убийство карается по закону».

Возможно, это апокриф, — среди опубликованных теперь комментариев императрицы такого нет, — но суть ее несогласия с Радищевым он передает верно.

Радищев — автор сентиментальной школы, и культ разума непротиворечиво сочетается в нем с чувствительностью сердца. Устами одного из положительных персонажей — старого крестницкого дворянина — он прямо соглашается с Екатериной: «Не дерзай никогда исполнять обычая в предосуждение закона. Закон, каков ни худ, есть связь общества».

Иоганн Лампи. Портрет Екатерины II. 1790 год

Но на деле невинность доведенных до крайности убийц для него «математическая ясность».

Писатель рисует идеал, к которому правитель должен стремиться. Так, в главе «Спасская Полесь» рассказчику снится, что он — великий государь, окруженный льстецами, превозносящими мир, тишину и изобилие его правления; к нему в образе странницы является сама Истина. Она снимает с его глаз «бельма» и показывает ему реальность: коррупцию, несправедливость и жестокость его приближенных, извращающих его указы и угнетающих народ. В этой прозрачной аллегории Екатерина сразу узнала себя и отмела упрек: «Не знаю какова нега власти в других владетели, во мне не велика».

Императрица, решающая государственные проблемы на практике, возмущена несправедливым отношением к своим усилиям: хорошо писателю вздохнуть о судьбе доведенных до отчаяния крестьян, но нельзя же возвести снисходительность к убийцам в принцип — эдак ведь крестьяне начнут резать дворян, и Радищеву это прекрасно известно, чего же он от нее хочет? Когда автор проповедует пацифизм, называя царей виновниками «убийства, войною называемого», Екатерина возражает: «Чево же оне желают, чтоб без обороны попасця в плен туркам, татарам, либо пакарится шведам». Практических рекомендаций у Истины, очевидно, нет.

Радищев обвиняет императрицу в лицемерии, в измене той философии, которую сама она насаждала в молодости, — упрек был основателен и оттого чувствителен. Ханжество Екатерины стало общим местом — Пушкин писал⁹:

Екатерина уничтожила звание (справедливее — название) рабства, а раздавала около миллиона государственных крестьян (то есть свободных хлебопашцев) и закрепила вольную Малороссию и польские провинции. Екатерина уничтожила пытку — а Тайная канцелярия процветала под ее патриархальным правлением; Екатерина любила просвещение, а Новиков, распространивший первые лучи его, перешел из рук Шешковского в темницу, где и находился до самой ее смерти. Радищев был сослан в Сибирь. Княжнин умер под розгами — и Фонвизин, которого она боялась, не избегнул бы той же участи, если бы не чрезвычайная его известность.

Венценосную читательницу автор «Путешествия» имел в виду, обращаясь к ней прямо: «Властитель мира, если, читая сон мой, ты улыбнешься с насмешкою или нахмуришь чело, ведай, что виденная мною странница отлетела от тебя далеко и чертогов твоих гнушается». Читай: на воре шапка горит. И Екатерина возмущенно возражает: «Птенцы учат матку. Злость в злобном, во мне ее нет».

При этом она дискутирует с автором всерьез, отмечая несоответствия или, наоборот, жизненность его наблюдений, например описание сластолюбца-дворянина, который в своей деревне «омерзил 60 девиц, лишив их непорочности», комментирует: «Едва ли не гистория Александра Васильевича Солтыкова». Но, с ее точки зрения, это, так сказать, не политика партии, а перегибы на местах. Радищев оскорбляет ее правление, возводя отдельные недостатки в ранг закономерности.

У Екатерины были основания назвать Радищева «птенцом». Пажом он служил во дворце — по свидетельству Пушкина, имевшего доступ к документам Тайной канцелярии, «сударыня знала его лично». В числе шести пажей, отличившихся в науках, он был отправлен учиться в Лейпцигский университет. Монархи отправляли молодых дворян учиться за границу за государственный счет со времен Петра I — с прагматической целью получить сведущих чиновников. И действительно, по возвращении в Россию молодой Радищев был определен на службу в канцелярию императрицы. Сын писателя вспоминал, что уже в бытность Радищева служащим Петербургской таможни государыня, уверенная в его честности и бескорыстии, «удостоила его важными поручениями: при начале шведской войны ему велено арестовать и описать шведские корабли». После смерти его начальника Радищев был назначен директором таможни, причем Екатерина отказала всем прочим претендентам на это место, говоря, что у нее уже есть достойный человек. При этом назначении Радищев получил из рук Екатерины орден Святого Владимира 4-й степени.

Наверное, еще и поэтому императрица восприняла нападки Радищева близко к сердцу: он не просто единомышленник, но и всем своим мировоззрением обязан ей. Ее комментарии к книге были инструкцией следователю Шешковскому, как вести допрос, в конце же Екатерина пишет: «Скажите сочинителю, что я читала его книгу от доски до доски, и прочтя усумнилась, не сделано ли ему мною какая обида? ибо судить его не хочу, дондеже не выслушен, хотя он судит царей, не выслушивая

их оправдание». Шешковский выполнил поручение и получил ответ, что «никогда и никакой не только обиды не чувствовал, но всегда носил в себе ее милости».

Когда по завершении следствия дело было передано в Палату уголовного суда, статс-секретарь Безбородко, инструктируя о порядке разбирательства санкт-петербургского главнокомандующего графа Брюса, особо указал не предоставлять суду протоколов допроса, поскольку «многие вопросы, особливо же: “Не имеет ли он какого недовольствия или обиды на Ея Величество” отнюдь непристойно выводить пред судом». Это было слишком личное.

БЫЛ ЛИ РАДИЩЕВ РЕВОЛЮЦИОНЕРОМ?

«Первым революционером» назвал Радищева Ленин, и в таком качестве писатель был канонизирован советским литературоведением. Предвосхитила такую оценку вождя мирового пролетариата сама Екатерина, назвавшая Радищева «бунтовщиком хуже Пугачева».

«Радищев был последовательным революционным демократом конца XVIII столетия. Это был пропагандист, республиканец, который в этот острый период начавшейся в Европе буржуазной революции осторожно начал сколачивать кадры единомышленников»¹⁰, — утверждает, например, видный деятель антирелигиозной кампании Емельян Ярославский в газете «Правда». Для какой же цели писатель сколачивал кадры? Филолог Григорий Гукковский, автор предисловия к полному собранию сочинений Радищева, предлагает замечательную версию: параллельно

с работой над книгой писатель буквально готовил революцию! «В том же 1789 году Радищев предпринял шаги к тому, чтобы расширить свою деятельность, установив связь с Городской Думой, а затем попытался перейти от пропагандистской работы к организации вооруженной силы»¹¹. Таким образом исследователь трактовал действия Радищева, который в мае 1790 года, во время войны со Швецией, организовал вооруженное ополчение для защиты Петербурга. Сделано это было постановлением Городской думы, в ополчение среди прочих принимали и беглых крестьян. После ареста Радищева Екатерина распорядилась «беглых помещичьих людей» из думского ополчения отдать помещикам, а остальных сделать обычными солдатами. «В какой связи стоит распоряжение Екатерины с делом Радищева — не ясно», — признаёт Гуковский, однако он уверен: не иначе как Екатерина узнала в ходе следствия о куда большей угрозе, чем представляла собой его книга.

Над подобными теориями иронизировал в «Беседах о русской культуре» Юрий Лотман, заметивший, что даже попытки возвести к «Путешествию» официальную генеалогию русской революционной мысли недобросовестны: декабристы, к примеру, от Радищева открещивались, Пушкин назвал его книгу «преступлением, ничем не извиняемым». Один из литературоведов, стремившихся изобразить добросовестного чиновника, семьянина и писателя-идеалиста «чуть ли не руководителем революционного кружка в Петербурге конца 1780-х — начала 1790-х годов», Георгий Шторм, в своей книге «Потаенный Радищев» выдвинул концепцию, которую Лотман излагает так: «...Собрав обширный

материал (здесь нельзя не отдать должного изобретательности и трудолюбию Г. Шторма), автор книги возводит всех близких и далеких родственников и знакомых Радищева в его общественно-политических единомышленников. Создается впечатление, что Радищев был окружен разветвленной политической группой, состоящей в основном из его родственников»¹².

В действительности, как показывает Лотман, Радищев не был и не мог быть революционером-заговорщиком, потому что для просветителя XVIII века этот путь в принципе представлялся ложным:

Привычки, обычаи, традиции для просветителя — именно те силы, которые противостоят разуму и свободе. Для борьбы с ними необходим «зритель без очков» (так называл Радищева А. Воронцов), то есть тот, что смотрит на мир свежим взором философа. Свобода начинается словом философа. Услышав его, люди осознают неестественность своего положения.

А следовательно, переход от рабства к свободе не предполагает кровопролития. Писатель-просветитель не скрывается — он «истину царям с улыбкой говорит», как писал Державин, чьим примером Радищев, видимо, вдохновлялся.

Но, может быть, Радищев, сам не планируя вооруженного восстания, тем не менее призывал к нему народ? В подтверждение этой версии обычно приводилось заключение главы «Медное», где автор не допускает, что помещики отпустят крестьян себе в убыток, и видит источник свободы не в их доброй воле, а в «самой

тяжести порабощения». Такое мнение первой высказала Екатерина, приписавшая в этом месте: «То есть надежду полагает на бунт от мужиков». Писатель на это убедительно возразил: «Если кто скажет, что я, писав сию книгу, хотел сделать возмущение, тому скажу, что ошибается, первое и потому, что народ наш книг не читает, что писана она слогом, для простого народа не внятным...» Радищевский слог был и для образованного читателя непрост, вряд ли «Путешествие» можно рассматривать как средство массовой пропаганды среди неграмотных крестьян — к тому же, говорит писатель, и тираж мал.

Можно вспомнить к тому же, что «русский бунт, бессмысленный и беспощадный», Радищев знал не понаслышке: во время восстания Пугачева родители его едва не погибли, но были спасены собственными крестьянами, которые «их не выдали, но спрятали между собою, нарочно измазав сажей и грязью»¹³. В главе «Едрово» рассказчик осуждает крестьян, тащивших барина-наильника Пугачеву на расправу: «Глупые крестьяне, вы искали правосудия в самозванце! Но почто не поведали вы сего законным судиям вашим? Они бы предали его гражданской смерти, и вы бы невинны остались».

На замечание Екатерины, что «французская революция ево решила себя определить в России первым подвижателем», Радищев указал: «Францию ж в пример он не брал, хотя и сам признается, что сие похоже на то обстоятельство; ибо сие писал он прежде, нежели во Франции было возмущение». Когда же он обращается к французским событиям в главе «Торжок», написанной позднее, то с тревогой отмечает: «необузданность и безначалие

дошли до края возможного», между тем настоящей вольности так и нет — цензура не упразднена, а народное собрание ведет себя «так же самодержавно, как доселе их государь».

Уверенность в неизбежности революции — не то же самое, что призыв к ней. Радищев с ужасом ждет революции при сложившемся порядке вещей и призывает изменить этот порядок, пока не поздно.

«КАКУЮ ЦЕЛЬ ИМЕЛ РАДИЩЕВ? ЧЕГО ИМЕННО ЖЕЛАЛ ОН?»

Таким вопросом задался в своей знаменитой статье «Александр Радищев» Пушкин, который назвал «действием сумасшедшего» решение Радищева печатать такую крамолу.

Мелкий чиновник, человек безо всякой власти, безо всякой опоры, дерзает вооружиться противу общего порядка, противу самодержавия, противу Екатерины! И заметьте: заговорщик надеется на соединенные силы своих товарищей; член тайного общества, в случае неудачи, или готовится изветом заслужить себе помилование, или, смотря на многочисленность своих соумышленников, полагается на безнаказанность. Но Радищев один. У него нет ни товарищей, ни соумышленников.

Отдавая должное силе радищевского духа, его удивительной самоотверженности и «какой-то рыцарской совестливости», Пушкин тем не менее называет «Путешествие» «преступлением, ничем не извиняемым», а также «книгой весьма

посредственной». Эта двойственная претензия — стилистическая и политическая — была запрограммирована самим «Путешествием», его новаторской концепцией, и в нем же обсуждается.

Пушкинскую характеристику «варварский слог» следует понимать буквально, как слог некультуренный: в русской прозе Радищев «не имел образца». Радищев понимал, что идет непроторенной дорогой, и в самой книге размышлял о необходимости новой формы для нового содержания на материале русской поэзии. Рассуждение об этом вложено в уста безымянного поэта, встреченного в Твери, которому автор подарил свою оду «Вольность», приведенную в «Путешествии» отрывками: «В Москве не хотели ее напечатать по двум причинам: первая, что смысл в стихах неясен и много стихов топорной работы, другая, что предмет стихов несвойствен нашей земле. Я еду теперь в Петербург просить о издании ее в свет» (тем самым в книге изложена история ее же публикации).

Непроходным стало уже само название — «Вольность». «Но я очень помню, — комментирует путник, — что в Наказе о сочинении нового уложения, говоря о вольности, сказано: «Вольностию называть должно то, что все одинаковым повинуются законам». Следственно, о вольности у нас говорить вместино». Тут Радищев не в первый и не в последний раз колет Екатерине глаза ее не воплощенным в жизнь «наказом», но аргумент его формалистичен до абсурда — он прекрасно понимает, что понятие «вольность» они с императрицей трактуют по-разному. Далее цензура смутила слова «Да смятутся от гласа твоего цари», которые якобы предполагают пожелание зла царю. Придирка нарочито

издевательская — ведь в соседних строках автор прямо предрекает революцию («Меч остр, я зрю, везде сверкает; / В различных видах смерть летает, / Над гордою главою паря») и поминает цареубийц — Брута, Вильгельма Телля и Кромвеля. Причем последнего осуждает — но не за казнь короля, а за то, что, свергнув тирана, Кромвель сделался тираном сам, не дав людям свободы (что справедливо отметила и Екатерина: «Ода совершенно ясно бунтовская, где царям грозит плахой. Кромвелев пример приведен с похвалой»). Такие же претензии были у Радищева и к деятелям Французской революции.

С литературной точки зрения цензора смутил стих «Во свет рабства тьму претвори». У поэта есть любопытное соображение: стих этот «очень туг и труден на изречение» из-за частого повторения буквы Т и стоящих рядом согласных («бства тьму претв»), однако «иные почитали стих сей удачным, находя в негладкости стиха изобразительное выражение трудности самого действия» — то есть поэт фонетически изображает препятствия к отмене крепостного права.

В этом свете кажется убедительным предположение Петра Вайля и Александра Гениса, что Радищевым двигало именно литературное честолюбие, а вовсе не революционный задор. Обращаясь к императрице с нравочениями, Радищев, возможно, держал в уме вдохновляющий пример Державина, который, выпустив в свет свою неортодоксальную «Фелицу», лег спать ни жив ни мертв, не представляя, какую реакцию вызовет его ода, снижающая образ богоравной императрицы. Характерно, что Державину одному из первых Радищев успел прислать свое свежееотпечатанное

произведение. Но Державин в свое время угадал, польстил и проснулся первым русским поэтом. Ко времени же появления «Путешествия» пожилая и напуганная европейскими революционными событиями Екатерина не была уже расположена к литературным новшествам и авторскую интенцию поняла совсем не так: «Намерение сей книги на каждом листе видно; сочинитель оной наполнен и заражен французским заблуждением, ищет всячески и выищивает все возможное к умалению почтения к власти и властям, к приведению народа в негодование противу начальников и начальства».

Сам писатель на следствии утверждал, что им двигали именно литературные амбиции. Первые его литературные труды не вызвали реакции — ни в художественном, ни в политическом смысле, хотя также содержали вольнолюбивые выпады. Например, сквозь пальцы посмотрела Екатерина на радищевские комментарии к сочинению французского философа Габриэля Бонно де Мабли «Размышление о греческой истории» (1773 год), содержавшие фразу: «Самодержавство есть наипротивнейшее человеческому естеству состояние». «Письмо к другу, жительствовавшему в Тобольске», «Житие Фёдора Васильевича Ушакова» остались незамеченными. На следствии Радищев показывал:

Описывая состояние помещичьих крепостян, думал, что устыжу тем тех, которые с ними поступают жестокосердо. Шуточные поместил для того, чтобы не скучно было длинное, серьезное сочинение. Дерзновенныя выражения и неприличной смелости почерпнул я, читая разных писателей, и ни с каким другим

намерением, как чтобы прослыть хорошим писателем. Да и самое издание книги ни к чему другому стремилось, как быть известну между авторами, и из продажи книги приобрести себе прибыль.

Конечно, измученный и испуганный писатель, открепшиваясь от политического обвинения, говорил то, что могло смягчить его участь. Однако и решение издавать книгу анонимно он объяснял желанием увидеть реакцию публики и в случае успеха объявить свое имя. Есть и такое мнение, что Радищев хотел писать тонкую, остроумную, изящную прозу, но его «душил обличительский и реформаторский пафос», который испортил его книгу в художественном отношении и дорого обошелся в политическом.

ЧТО ЕЩЕ ВЫЗЫВАЕТ НЕГОДОВАНИЕ РАДИЩЕВА, ПОМИМО КРЕПОСТНОГО ПРАВА?

Радищев, совершая путешествие по России, успевает фиксировать множество общественных пороков, которые он, как олицетворенная Истина, должен изобличить. По свидетельству его сына, сам он говорил, что если бы он издал свое «Путешествие» за 10 или за 15 лет до Французской революции, то «он вместо ссылки скорее был бы награжден на том основании, что в его книге есть очень полезные указания на многие злоупотребления, неизвестные правительству». Тут и чиновничество, и судопроизводство, стоящее на пытках и взятках, и телесные наказания, и воровство и мошенничества во всех условиях, и рекрутчина, и вексельное право.

Из проблем, не связанных прямо с положением крестьян, наибольшее его возмущение вызывает цензура.

В Торжке рассказчик встречает человека, который едет в Петербург хлопотать о заведении свободного книгопечатания в своем родном городе. Герой с обычным своим простодушием указывает ему, что в прошениях нет необходимости: заводить книгопечатни частным лицам было позволено еще указом 1783 года (о чем Радищев, напечатавший таким образом свое «Путешествие», знал не понаслышке). Однако напечатать книгу — полдела: «Теперь свободно иметь всякому орудия печатания, но то, что печатать можно, состоит под опекою. Цензура сделана нянькою рассудка, остроумия, воображения, всего великого и изящного». Мысль, которую цензура водит на помочах, не может свободно развиваться и остается ущербной. Многие сочинения не дойдут до читателя хотя бы по невежеству цензора: Радищев язвительно приводит в пример чиновника, который зарезал роман, где любовь названа «лукавым богом», поскольку усмотрел в этой аллегории богохульство; другой цензор не пропускает никаких критических упоминаний о князьях и графах, «ибо у нас есть князья и графы между знатными особами». При всей нелепости этого примера он был исключительно жизненным: так, Гоголю пришлось выкинуть «весь генералитет» из своей «Повести о капитане Копейкине», Александр Сухово-Кобылин, пытаясь провести на сцену пьесу «Дело», был вынужден понизить в чине всех действующих лиц.

Проповедуя, едва ли не первым в России, свободу слова («Пуускай печатают всё, кому что на ум ни взойдет»), Радищев

ссылается на «Наказ о новом уложении» (1767) — изданный Екатериной при восшествии на престол манифест просвещенного абсолютизма, который был впоследствии положен под сукно. Там среди прочего сказано: «Слова не всегда суть деяния, размышления же не преступления»; «Слова не вменяются никогда во преступление, разве оныя приуготовляют, или соединяются, или последуют действию беззаконному. Все превращает и опровергает, кто делает из слов преступление смертной казни достойное». Понятно, что эти формулировки оставляют широкий простор для толкования: не осуждая автора за его сочинение как таковое, легко можно усмотреть в этом сочинении улику, указывающую на реальное преступление. Радищев же свободу слова понимает буквально, при всей своей строгой морали не делая исключения даже для порнографии, причем запрет развратных книг сравнивает с запретом проституции:

Скитающиеся любовницы, отдающие сердца свои с публичного торга наддателю, тысячу юношей заразят язвою и все будущее потомство тысячи сея; но книга не давала еще болезни. И так цензура да останется на торговых девок, до произведений же развратного хотя разума ей дела нет.

Из более специальных проблем Радищева занимает вексельное право, ведущее к разорению должников, ограничивающее торговлю и открывающее большой простор для жульничества. В главе «Новгород», скажем, описана мошенническая схема обогащения купца Карпа Дементьича: забрав вперед 30 тысяч рублей по контракту

на поставку льна, купец строит дом на имя жены. На следующий год на лен неурожай, и купец, не будучи в состоянии исполнить свои обязательства по контракту, объявляет себя банкротом — отдает кредиторам все свое имение, оставив их в большом убытке: за каждый вложенный рубль они получают только по 15 копеек. Женин дом остается в неприкосновенности: он формально не составляет часть имения Карпа Дементыча. Разорившийся купец торговать больше не может — но и на это есть уловка: «С тех пор как я пришел в несостояние, парень мой торгует. Нынешним летом, слава Богу, поставил льну на двадцать тысяч». Рассказчик подхватывает: «На будущее, конечно, законтрактует на пятьдесят, возьмет половину денег вперед и молодой жене построит дом...»

Екатерина в этом месте отмечает: автор “...знание имеет подробностей купецских обманов, чего у таможни лехко приглядется можно” — компетентность Радищева, директора таможни, стала в этом случае одной из улик против него.

КАК СООТНОСЯТСЯ У РАДИЩЕВА ЛЮБОВЬ СЕМЕЙНАЯ, ПРАВИТЕЛЬСТВО И СИФИЛИС?

Как свидетельствует сын Радищева, «Александр Николаевич полагал, что самый счастливый человек в мире тот, кто имеет хорошую жену». И писателю в этом повезло дважды. С первой женой, Анной Васильевной Рубановской, он прожил в большой любви восемь лет, нажил четверых детей и горько оплакивал ее кончину. Памятник ей с собственноручно

написанной эпитафией, где писатель выражает надежду на загробную встречу, он поставил у себя в саду.

Второй женой писателя стала его свояченица Елизавета Васильевна Рубановская, которая после смерти сестры взяла на себя воспитание его детей, а после ссылки Радищева последовала за ним в Сибирь, проложив дорогу женам декабристов. Лотман пишет: «Как это случается с девушками, она была втайне влюблена в мужа своей сестры, но скрывала свои чувства. В страшную минуту ареста Радищева она проявила не только мужество и верность, но и ум и находчивость. Собрав все драгоценности дома, она отправилась через бушующую Неву на лодке (мосты не работали) в Петропавловскую крепость. Там она передала их палачу Шешковскому, который был не только “кнутабойца” (выражение Г. Потемкина), но и взяточник. Этим Радищев был избавлен от пыток».

В Сибири Рубановская стала женой Радищева. По тем временам такой брак был скандальным и даже незаконным, поскольку приравнивался к кровосмешению. Детей от этого брака, рожденных в Сибири, Радищев узаконил с позволения Александра I (сама Елизавета Васильевна обратной дорогой умерла). Но, когда по возвращении из ссылки писатель представил их своему отцу, Николаю Афанасьевичу, старик пришел в ярость: «Или ты татарин, — вскричал он, — чтоб жениться на свояченице? Женись ты на крестьянской девке, я б ее принял как свою дочь». Очевидно, демократизм и принципиальность писателя унаследовал от отца, только принципы у них были разные. Радищев склонен был пренебрегать установлениями закона

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru